

Во время войны письма были нужны лишь для одного — дать знать другому, что ты жив, подать знак, что тебя ждут. Поэтому на ограниченном пространстве страницы нужно было уместить бесконечную тоску.

Цзи Саньмэй размышлял: будь на его месте, он наверняка написал бы что-нибудь похабное, чтобы Шэнь Фаши и вдали от дома помнил — не вздумай умирать, тебя кто-то ждёт.

От этой мысли Цзи Саньмэя охватила такая радость, что он едва не воспарил.

Его удачная догадка и угаданный ответ основывались на том, что в прошлой жизни они с братом Шэнь уже были близки. Именно поэтому Цзи Саньмэй мог позволить себе в письмах такие вольности, так развязно выражаться.

А если рассуждать в обратном порядке, вывод напрашивался сам собой.

...В прошлой жизни он и его брат Шэнь, судя по всему, переступили некую грань.

Тем временем, не дождавшись ответа, Шэнь Фаши начал беспокоиться. Он осторожно поднял Цзи Саньмэя, огляделся и обнаружил, что в комнате не осталось ничего целого, кроме кровати.

Шэнь Фаши уложил его на кровать лицом вниз, припал к краю и снова хрипло позвал:

— Саньмэй?

Эйфория и пыл постепенно угасли, и боль хлынула неудержимым потоком, затуманивая сознание Цзи Саньмэя. — ...Что?

Шэнь Фаши сказал:

— Я не хотел тебя ранить... Не сердись, поговори со мной.

Охо, даже в безумии брат Шэнь оставался таким милым.

Цзи Саньмэй уже собрался сказать, что и не думал его игнорировать, но передумал, проглотил слова и продолжил молчать.

Шэнь Фаши запаниковал ещё сильнее, вся его былая решительность куда-то испарилась. — Тебе больно? Я нанесу лекарство, прости, прости.

Цзи Саньмэй наконец заговорил, и голос его был хриплым. — Не трогай меня.

Лицо Шэнь Фаши побелело. Он посмотрел на свои руки, израненные и окровавленные в приступе ярости, замер на мгновение, но всё же не послушался.

Цзи Саньмэй почувствовал, как тот разрывает его одежду, а затем на ранах возник тонкий слой льда, притупивший боль и остановивший кровь.

Шэнь Фаши так пристально смотрел на эти раны, что Цзи Саньмэю стало жарко.

Они помолчали некоторое время. Цзи Саньмэй, прислушиваясь к дыханию Шэнь Фаши, вычислил момент, когда беспокойство того достигнет предела, и тогда спросил:

— В чём дело-то? Что на тебя нашло?

Шэнь Фаши ответил:

— Ничего.

Цзи Саньмэй указал на следы удушения на своей шее.

Выражение лица Шэнь Фаши дрогнуло, но он стоял на своём. — Ничего. Я просто пытался вернуть тебя назад.

Едва он это произнёс, Цзи Саньмэй почувствовал на спине тепло.

Шэнь Фаши наклонился и поцеловал его обожжённую рану.

Шэнь Фаши выглядел совершенно потерянным, и слова его были бессвязны. — ...Я всегда пытаюсь вернуться, тяну тебя назад, но никогда не успеваю.

«Всегда»? «Вернуться»?

Цзи Саньмэй склонил голову набок, внимательно вглядываясь в его лицо. — Куда ты пытаешься вернуться?

Но Шэнь Фаши не ответил.

Он склонился к шее Цзи Саньмэя, и тёплое дыхание его коснулось волос. — Оставайся здесь, отдохни как следует. Мне нужно кое-что сделать.

Цзи Саньмэй, опираясь на онемевшую от боли спину, попытался подняться. — Я тоже пойду...

— Куда это ты пойдёшь? — Зрачки Шэнь Фаши были черны, как ночь. — Ты никуда не пойдёшь.

С этими словами он мягко, но твёрдо взял Цзи Саньмэя за запястья. Тот почувствовал холод на коже, и на руках его сомкнулись наручники.

То же самое Шэнь Фаши проделал и с его ногами.

Он наклонился к обездвиженному Цзи Саньмэю и прошептал:

— Не двигайся. Я не хочу, чтобы тебя кто-либо увидел. Жди меня.

Это явно не было предложением к обсуждению, потому что, закончив, он оправил свою монашескую робу, поднял монашеский посох, валявшийся среди осколков, и вышел из комнаты, не забыв наложить ещё один барьер — такой, что даже достигший этапа преобразования духа не смог бы его преодолеть.

Оставшись один в тёмной комнате, Цзи Саньмэй чувствовал, как сердце его бешено колотится.

...Чёрт возьми, это было так возбуждающе. И такой брат Шэнь ему тоже очень нравился. Что же делать?

...

Когда Шэнь Фаши вышел со двора, он увидел, как Ван Чуаньдэн ведёт под конвоем Хэ Цзыцзу.

Заметив, что глаза Шэнь Фаши темнее обычного, Ван Чуаньдэн замер на месте. Улыбка

мгновенно сошла с его лица, тонкие губы сжались в холодную жёсткую линию. — Губернатор, вы...

Неужели губернатор снова прикоснулся к «Треножнику Асуры»?!

«Треножник Асуры» — наивысшее из злых искусств. Действие его, если разобраться, не так уж и удивительно: он позволяет человеку во сне вернуться в прошлое и исполнить своё желание.

Звучит безобидно — всего-то и есть, что погрузиться в грёзы.

Однако от грёз можно и подсесть.

У каждого есть несбывшиеся мечты. «Треножник Асуры» возвращает человека в прошлое, позволяет исправить ошибки, и всё это переживается так же ярко, как реальность. Во сне человек чувствует холод и тепло, испытывает боль и тоску. Более того, если сила заклинателя достаточно велика, он может даже перенести мечту в реальность, повлиять на неё.

Но ужас «Треножника Асуры» в том, что ещё никому не удавалось вернуть сон в реальность.

Всё потому, что возвращение в прошлое во сне — дело, идущее против воли небес. Нельзя нарушать естественный ход событий, можно лишь чуть-чуть скорректировать его в дозволенных пределах.

Стоит сделать хотя бы один неверный шаг — и весь сон рухнет, а то, чего человек желает больше всего, исчезнет у него на глазах самым жестоким образом.

Например, если Шэнь Фаши вернётся в прошлое, он лишится своей нынешней мощи. Ему придётся сражаться с Юньян, покинуть город Чжуинь, пережить осаду. И лишь разрешив все эти проблемы, он сможет сделать то, ради чего пришёл.

А хочет он лишь одного — спасти Цзи Саньмэя.

Однако иллюзии «Треножника Асуры» предъявляют к исполнению желаний поистине жестокие требования.

Шэнь Фаши ни разу не смог выполнить условия. И поэтому Цзи Саньмэй умирал у него на глазах снова и снова.

Если бы он просто повесился на дереве и истлел — это ещё считалось бы удачей.

Сам Шэнь Фаши не помнил, сколько раз Цзи Саньмэй падал с высоты и разбивался, сколько раз он обнимал его бездыханное тело, рыдал и умолял не уходить, лишь чтобы увидеть, как тот рассыпается прахом. Однажды он даже привёл Цзи Саньмэя в Линтин, но тот был захвачен последователями демонического пути Юньян и подвергся поруганию перед всем строем — множество заклинателей поочерёдно надругались над ним, а Шэнь Фаши, запертый в городе, мог лишь наблюдать издалека.

Со временем он сошёл с ума.

Безумие его длилось по-разному: иногда он приходил в себя за три-четыре дня, иногда же оставался в оцепенении больше двух недель. Никто не смел его гневить, ибо, выйдя из себя, он становился столь неистов, что даже Ван Чуаньдэн не мог с ним сладить.

Ван Чуаньдэн видел, как Шэнь Фаши терял рассудок. Если бы не совет старого друга отправить

Шэнь Фаши в буддийский монастырь, дабы очистить душу и отречься от мирских уз, тот, вероятно, давно бы лишился рассудка окончательно.

После долгих лет относительного покоя он не ожидал, что снова увидит безумного Шэнь Фаши — и именно в день их возвращения в город Чжуинь!

Шэнь Фаши не обратил внимания на потрясение Ван Чуаньдэна. Он шагнул вперёд, лицо его было холодным, подбородок слегка приподнят — выражение надменного безразличия, словно перед ним стояли не люди, а куски мяса. — ...Пошли.

Остальные не понимали всей серьёзности ситуации, но Ван Чуаньдэн понимал. Он собрался и спросил:

— Губернатор, куда направляемся?

Шэнь Фаши усмехнулся. — Искать Сунь Уляна.

Раньше он думал, что Цзи Саньмэй погиб в городе Чжуинь. Сколько раз он пытался, закончив битву в Линтине, вернуться и спасти его — и каждый раз терпел неудачу.

Но благодаря этим попыткам Шэнь Фаши теперь точно знал, кто именно пытался отравить Цзи Саньмэя.

Находясь в иллюзиях «Треножника Асуры», он много раз, пребывая телом в Линтине, чувствовал, как душа его возвращается в то самое время, когда город Чжуинь будоражили слухи и охватывала смута.

Он был посторонним наблюдателем, отделённым от всего этого невидимой, неодолимой преградой, и мог лишь смотреть и слушать, как в городе бушуют бури.

<http://bllate.org/book/16281/1466363>